

Влажный после дождя воздух летел в лицо вместе с ночным ветром. В свете комнаты за спиной профиль Ци Гу казался особенно одиноким.

Линь Ханьчжи заметил его настроение и покрасневшие глаза:

— Ты и он...

Ци Гу поспешно остановил его, мягко покачав головой.

Линь Ханьчжи понял, что об этом нельзя говорить прямо, и больше не продолжил. Вместо этого осторожно сменил тему:

— Вы с учителем были очень близки, да? Я помню, возле храма Фуай ты поставил киот с его фигуркой. В интернете говорят, что если поклониться ему и попросить о чём-то, связанном с делами Подземного мира, просьбы часто исполняются.

— Да. Он был моим единственным родным человеком. Вырастил меня. Очень старался заработать достаточно, чтобы я жил не хуже других детей. Однажды я увидел, что у жителей деревни внизу есть персики, и тоже захотел. Он вообще не умел выращивать деревья, но всё равно купил персиковый саженец и кричал, что теперь я всю жизнь буду есть персики из собственного сада.

Перед глазами снова возникла картина прошлого и серьёзное лицо старика, который самоуверенно хвастался будущим урожаем.

— Жаль только, земледелец из него был никудышный. Персики получались кислые и горькие.

Слеза скользнула из уголка глаза Ци Гу по светлой щеке и повисла у линии подбородка.

Линь Ханьчжи словно оказался ею заморожён. Согнутым пальцем он быстро и очень легко провёл по щеке Ци Гу, вытирая слезу, и она высохла на его коже.

— Теперь ведь всё хорошо, правда? — голос Линь Ханьчжи невольно стал мягче.

Ему хотелось погладить Ци Гу по голове или взять его лицо в ладони и вытереть слёзы, но для друзей это, пожалуй, было бы слишком интимно.

— Да, — сказал Ци Гу. — Просто не знаю, наступит ли день, когда мы снова встретимся.

— Наступит.

Линь Ханьчжи поднял лицо к ветру. Тот скользил вдоль щёк и растрёпывал волосы.

— В детстве я любил сидеть на крыше и вот так ловить ветер. Там никого не было — пусто, только я один. Иногда я закрывал глаза и вставал у самого края, представляя, как падаю вниз. Тогда казалось, будто я птица, которая пикирует к земле.

Ци Гу нахмурился и повернулся к нему.

Первую половину рассказа ещё можно было принять за любовь Линь Ханьчжи к свободе и одиночеству. Но вторая звучала уже слишком саморазрушительно.

При первой встрече Ци Гу не сумел прочесть судьбу и прошлое Линь Ханьчжи. Впрочем, подобное ему уже встречалось: у некоторых людей карта судьбы настолько необычна, что её почти невозможно рассмотреть.

Из прежних слов Линь Ханьчжи следовало, что в детстве он рос в богатой семье, окружённый любовью старших. Что же должно было произойти, чтобы ребёнку захотелось спрыгнуть с крыши?

Будто угадав мысли Ци Гу, Линь Ханьчжи улыбнулся:

— Сейчас такого уже нет. Видишь, пока человек идёт вперёд — всё время идёт дальше — однажды даже в безвыходной ситуации найдётся дорога. Наверное, это немного похоже на ваши понятия о годовой удаче и больших циклах. Всё постоянно меняется: хорошее и плохое не стоят на месте.

Услышав про циклы судьбы, Ци Гу на секунду застыл. Он уже хотел объяснить несколько деталей, но с запозданием понял: Линь Ханьчжи не просит лекцию, а пытается его утешить.

Ци Гу поспешно проглотил слова, которые не следовало произносить, и ограничился:

— Спасибо.

— Значит, я могу считать, что тебе стало немного легче? — уголки персиковых глаз Линь Ханьчжи приподнялись.

— Да... Пойдём отдыхать. Тебе нужно больше сна.

Они вошли внутрь и закрыли балконную дверь. В общей маленькой комнате Пубу Гэсан и Мяо Юэ уже крепко спали на наскоро разложенных на полу постелях.

— Тс-с.

Ци Гу, открыв дверь, показал Линь Ханьчжи жест молчания и дальше пошёл на носках, стараясь не шуметь.

Линь Ханьчжи тоже повторил за ним. Они выглядели как молодые родители, которые тайком бросили детей, хорошо погуляли, а потом глубокой ночью крадутся домой.

После тихого шороха Ци Гу спросил шёпотом:

— Потеснимся?

Одеял в доме старосты не хватало: приходилось делить одно на двух-трёх человек.

Летом оно обычно и не требовалось бы, но в ночном Хуайшуй по-прежнему стояла густая иньская ци, и температура была почти как поздней осенью.

— Хорошо.

Так они забрались под одно одеяло. Смотрели друг на друга, локти соприкасались, плечи прижимались.

Ци Гу неловко сдвинулся чуть в сторону:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил Линь Ханьчжи.

Спал Ци Гу тревожно. Ему приснился кошмар: гигантский доисторический осьминог обвил его щупальцами и тащил в глубины океана. Ци Гу хотел применить технику, но руки и ноги были намертво связаны, вырваться не получалось, и оставалось лишь тонуть всё глубже.

Воздух будто выдавило из лёгких и носа. Когда кислород почти закончился, Ци Гу вскрикнул и резко открыл глаза.

Но ощущение, будто его всё ещё что-то обвивает и сжимает, никуда не исчезло.

Ци Гу подумал: какая нечисть посмела явиться прямо к нему?

С трудом приподнял голову — и увидел, что «чудовище», беззастенчиво положившее голову

ему на плечо, сонно приоткрыло соблазнительные персиковые глаза.

— Доброе утро.

Только теперь Линь Ханьчжи понял, что во сне каким-то образом постепенно свернулся и целиком забрался в объятия Ци Гу: голову положил на его руку, а голень — поперёк нижней части живота.

Линь Ханьчжи странно замер. Сознание окончательно вернулось, и тогда он ощутил, что ниже живота у Ци Гу заметно горячее, чем всё остальное тело.

У Ци Гу задёргался висок. Да, сам он тоже спал не образцово, но что это вообще за дурная привычка — во сне забиваться прямо в чужие объятия?!

Ладно забрался. Зачем ещё и тереться?

— Слезь, — сказал Ци Гу.

Красивые щёки покраснели, лицо оставалось холодным, а голос стал хриплее обычного.

Понимая, что виноват, Линь Ханьчжи поспешно перевернулся и откатился в сторону.

Ци Гу глубоко вдохнул и напрямик отправился в туалет.

После этого маленького происшествия он весь день чувствовал себя рядом с Линь Ханьчжи неловко, постоянно избегая смотреть ему в глаза и стараясь не соприкасаться.

Утренняя эрекция — нормальная физиология, Ци Гу прекрасно это понимал. Но ему всё равно было мучительно неловко: в тот момент голень Линь Ханьчжи лежала прямо у него на животе!

Выйдя из туалета, Ци Гу от смущения вообще не знал, куда смотреть. Мочки ушей горели красным. Он сделал суровое лицо и сказал:

— Спустишь проверю жителей. А ты умывайся.

После этого вышел за дверь, двигая одновременно рукой и ногой с одной стороны.

Внизу Му Синчэнь спал, уронив голову на квадратный стол в гостиной. На лбу отпечатался древесный узор столешницы. Жители тоже валялись на полу кто где, но кожа уже вернулась к нормальному цвету. Всю грязь и нечистоты с пола успели убрать рано вставшие староста Сюй и Фан Хэн.

Ци Гу потряс Му Синчэня за плечо:

— Если хочешь спать, иди наверх.

Му Синчэнь сонно потёр глаза, решил, что всё ещё видит сон, и снова уронил голову.

Ци Гу:

— ...

Телефон Му Синчэня на столе давно разрядился, поэтому трансляция остановилась. Ци Гу поставил его на зарядку, чтобы этот глупый ученик потом не остался без телефона в дороге и не заставил семью и друзей волноваться.

Закончив, Ци Гу одного за другим разбудил жителей, проверяя, в сознании ли они.

Все оказались в норме. События после того, как они начали пить ту воду, полностью выпали из памяти. Даже после расспросов Ци Гу удавалось вспомнить лишь смутные очертания, ничего отчётливого.

Для обычных людей это, пожалуй, было к лучшему.

Оставшуюся воду с пеплом Ци Гу раздал семьям, где детям уже давали заражённую воду, но они ещё не дошли до стадии участия в водном ритуале, и велел напоить их.

Одна пара внешне была очень похожа на мальчика, сделавшего бумажное надгробие Фан Юаньвану. Ци Гу решил, что это его родители, и дополнительно дал им талисман удачи.

Мальчишке и правда отчаянно не везло. Сначала его выбрала Бай Юй: он должен был погибнуть из-за совпадения во время селевого потока. Фан Юаньван спас его, совпадение завершилось, и Бай Юй уже не могла снова выбрать ребёнка. Но кто бы мог подумать, что родители мальчика окажутся наполовину водяными трупами — и уже вырвавшегося из контроля Бай Юй ребёнка выберет баньян.

Те же три года кошмара, что и у остальных жителей, но страданий вдвое больше.

Жители долго благодарили Ци Гу и лишь потом один за другим разошлись.

Стоило им уйти, как откуда-то выскочила ласка и застенчиво сказала:

— Мастер, я приготовила для вас курицу по-кантонски, отварную. Скорее попробуйте~

Манеры она освоила без всякого учителя — точь-в-точь как соблазнительница из борделя. Впору было задуматься: она вообще ласка или всё-таки лиса-оборотень?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949092>